

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗЛИЧИЯ КАРТИН МИРА БЕЛОРУСА И РУССКОГО В ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.А. КУЛЕШОВА

*В исследовании представлен анализ образа-концепта **Хата** в произведениях А.А. Кулешова и особенности его отражения в переводе на русский язык.*

В языковой структуре текстов переводов произведений А.А. Кулешова на русский язык отражается несовпадение картин мира белоруса и русского. Это явление становится очевидным из-за возникновения проблемы лакунарности. Семантические лакуны больше, чем какое-либо другое явление, характеризуют особенности данного языка в сравнении с другим.

При наличии соответствия белорусской номинации **хата** русской **дом, хата** (см. стихотворение "Хатка" – "Хата", пер. М. Исаковского) обнаруживается, что отношения к **хаце** – **дому** у белоруса и русского различны. Не случайно заголовок стихотворения "Хатка" переведен на русский язык как "Хата". У русского нет такого трепетного отношения к жилью, как у белоруса, ср. в авторском тексте употре-

бления деминутивов *хацінка, хатка* с актуализированной семейной эмотивной оценки и их отсутствие в переводе:

<i>Ёсць і ў мяне хацінка,</i>	<i>И у меня над речкой</i>
<i>Дагэтуль не абжытая нікім.</i>	<i>Есть хата, и она все ждет и ждет –</i>
<i>Калі мая нясмелая дзяўчынка</i>	<i>Когда ж в нее, по новому крылечку</i>
<i>У хатку зойдзе з клуначкам сваім?</i>	<i>Моя дивчина робкая войдет?</i>

Мир славянина начинался с дома. Дом – это освоенное пространство, которое осознавалось как своё и одновременно являлось центром мира, противопоставлялось хаосу (см. [5, с. 56–57]). Именно такое понимание предназначения дома – *хаты* находим в главе “Хата” из поэмы “Далёка да акіяна” и в ее переводе Н. Кислика и последующих главах, где белорусское *хата* заменяется при переводе эквивалентным словом *дом*:

<i>Мае на зямлі</i>	<i>Ты ж маєш дом,</i>
<i>Хата месца сталае,</i>	<i>Место постоянное,</i>
<i>Пляц, што ёй далі,</i>	<i>Свет, что за окном,</i>
<i>Радаслоўе гордае,</i>	<i>Родословье гордое,</i>
<i>Свой драўляны век,</i>	<i>Деревянный век,</i>
<i>Прызначэнне цвёрдае,</i>	<i>Назначение твердое,</i>
<i>Як і чалавек.</i>	<i>Будто человек.</i>

Рассмотрим лексикографическое описание *хата* – *дом* – *изба* в толковых словарях [6, с. 182 т. 5, с. 187 т. 2; 4, с. 594 т. 4, с. 425 т. 1, с. 634 т. 1]:

ХАТА	Глумачальны слоўнік беларускай мовы	1. Жылая сялянская пабудова, зрубленая з бярвення. 2. Унутраная частка такой жыллёвай пабудовы; жылое памяшканне. 3. Асобны сялянскі двор, гаспадарка; асобная сям'я. 4. У назвах некаторых сельскіх устаноў.
ДОМ	Словарь русского языка
Глумачальны слоўнік беларускай мовы
Словарь русского языка	1. Крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне. 1. Будынак для жылля, размяшчэння. 2. Чыё-небудзь жылое памяшканне разам з гаспадаркай. 3. Як назва дзяржаўнай, грамадскай, культурнай установы, а таксама памяшкання, дзе яна знаходзіцца. 4. Дынастыя, род. 3. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. 2. Жилое помещение, квартира; жильё. 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. 4. Династия, царствующий род. 5. Культурно-просветительное, научное, бытовое и т. п. государственное учреждение, а также здание, в котором оно находится. 6. Устар. Заведение, предприятие.

ІЗБА Тлумачальны

слоўнік

беларускай мовы

Словарь русского 1. Деревянный крестьянский дом.

языка

2. Внутреннее помещение крестьянского дома, жилое помещение

3. С определением ист. присутственное место, канцелярия.

Свидетельством слабой употребительности лексемы *хата* в русском языке по сравнению с белорусским является то, что, во-первых, образует незначительное количество фразеологизмов (*моя хата с краю*) в русском языке и является излюбленным семантическим стержнем в белорусском (*адбіцца ад хаты, выносіць смецце з хаты, мая хата з краю, на ўсю хату, чужую хату пільнаваць, чым хата багата, як у сваёй хаце, астаткі з хаткі, хатка на курыных ножках*); во-вторых, не имеет переносных значений в русском языке и переосмысливается в белорусском языке (*унутраная частка жылой сялянскай пабудовы, зробленай з бярэння; падлога; птушынае гняздо; асобны сялянскі двор*); в-третьих, характеризуется слабой деривацией в русском языке и образует многочисленные производные в белорусском (*хатка, хатні, хатнік*).

“Вещный образ” семьи в концептосфере А.А. Кулешова – это дом, хата, это освоенное пространство, которое осознается как свое: *Тут яны, дзе рады ім сцены, – сцен сваіх Не пакрыўдзяць здрадаю* “Далёка да акіяна”. Поэт варьирует лексемы *дом* и *хата*, изредка упоминает *гняздо Маці! Не заві ты іх Да свайго гнязда* “Далёка да акіяна”, куток *Я моху наскубу для іх кутка* “Хатка”, но все же отдает предпочтение *хатке*, имеющей национальную специфику, и образует от нее деминутивы *хатка, хацінка*.

Этнокультурная значимость образа-концепта *Хата* в концептосфере А.А. Кулешова раскрывается постепенно. В белорусской хате и элементы строения, и предметы быта имеют собственное предназначение, об этом же свидетельствует и А.А. Кулешов: *Дом прыняў людзей. З палавінай правою, З левай, – як раней. З правай палавінаю – для гаспадара, З левай, гаспадынінай – Для патрэб двара... Сенцы – пасярэдзіне, З кухняй – для дзяцей. З цёткаю ляжанкаю Печ, засланы стол* “Далёка да акіяна”. Объяснение деления хаты на правую и левую части связано с языческим мировосприятием белоруса: левая сторона изначально трактовалась как “приносящая пользу, благо” и относилась к женской сфере, а правая – как сильная, защищающая, мужская. Отсюда и *правай палавінаю ведаў бацька мой*. Устройство хаты повторяет устройство мира, которое в мифическом представлении тесно сплетено с созданием мира: под крышей ветер – символ верхнего мира, в среднем ярусе печь – символ прирученного огня, над головой крест – символ возникновения мира, места для души: *Печ – над столлю нізкаю, Вецер – над страхой, Полаг – над калыскаю, Крыж – над галавой* “Далёка да акіяна”.

В этой же поэме находим описание устройства *хаты* – *дама*, которое складывалось веками. Я. Крук в книге “Символика белорусской народной культуры” от-

мечает: "...у звычайнай сялянскай хаце існаваў дакладны парадак. Кожнае яе акно, куточак, лава, ложка, печ, стол, парог, бэлька мелі сваё непатаўторнае прызначэнне" [1, с. 297].

Языческое мировосприятие преобладает в наивной картине мира белоруса и адекватно выражено в русском тексте: все окружающие предметы воспринимаются как живые:

*У часы нясытыя,
Як насыціш ты
Хаты прагавітае
Прагныя раты:
Папчу жорнаў – грэчкаю,
Пчол ляткі – сытой,
А кармушкі – сечкаю,
Ночвы – лебядой?..
Дзежцы дай – бо просіць жа! –
Цеста і аўчын,
Для зімы і восені –
Нашчапай лучын,
А для ступы проса сей,
Грэй дровамі печ,
Кашаю бярозавай
Лазню забяспеч...*

*В эти дни голодные
Как насытишь ты
Алчные, несчетные
Старой хаты рты:
Жадный жернов – гречкою,
Пчел весной – сытой.
А кормушки – сечкою,
Ночвы – лебедой?..
Дай квашне – ведь просит же! –
Теста и овчин,
Для зимы и осени
Нащепай лучин.
А для ступы – просто сей,
Грей дровами печ,
Кашею березовой
Баню обеспечить.*

Для белоруса осознание собственной значимости равнозначно сочетанию "мая хата" как понятию семейной, социальной, моральной сферы, что и переносит А.А. Кулешов в свою картину мира: *сцен сваіх трымацца, бо ...як жыць без хаты ўтульнае?* "Далёка да акіяна". Белорусская лексема *утульны* имеет в русском языке эквивалент уютный. Ю.С. Степанов предлагает возможную реконструкцию этимологического облика лексемы уют: "существует др.-рус. слово утлина, утлина "щель" (Срезневский, III, 1322). Уютный значит буквально "в щелке приткнувшийся". Понятие уюта в русском быту всегда ассоциируется с укромностью, укрыванием от внешнего мира, в каком-то уголке с покоем. По этой семантической модели образовано и покут (от кут "угол"), означающее "укромное местечко, приют" [5, с. 695]. Краеугольное понятие белорусской народной культуры – малая родина, на этом основании А.А. Кулешов соединяет хату-сям'ю с хатой родны кут: *З хаты пачынаецца Кут, што людзям люб, Хата ў птушкі маецца, У крывініцы – зруб, Што ў часы далёкія Прадзеды-дзяды Ёй рубілі з вокнамі, З брамкай – для вады, – Каб цякалі струменьчыкі, Пакідалі лог, Як акно – агеньчыкі, Як сляды – парог* "Далёка да акіяна".

А.А. Кулешов выстраивает семантическую линию я-Свой → сям'я → хата → родны кут: *Гэта хата, поле, луг З рэчкай заодно – Даўняй еднасці ланцуг, Я – яго звязно* "Далёка да акіяна". Но если я-Свой и хата-сям'я – это центр мироздания, то внешнее пространство организовано в виде кругов, причем только ближний круг

претендует на номинацию “родны кут”: *Першы круг – пад вокнамі Зранку вымяраць Двор і прызбу крокамі Шырынёю ў пядзь. Далягляды новыя Адкрываць штогод – Межы палыновыя, Лазню, агарод. Круг другі – абжытыя Поле, лес і луг, рэчкаю абвітыя... Школа – трэці круг...* “Далёка да акіяна”.

Таким образом, через установление ассоциативных связей я-Свой → сям’я → хата → родны кут создается образ-концепт *Хата*, имеющий этнокультурную значимость для реализации концепта *Свой* в картине мира А.А. Кулешова.

Подготовленное всей белорусской традицией отождествление сям’я → хата рождает образ-концепт *Хата-сям’я*: *Мае на зямлі Хата месца сталае, Пляц, што ей далі, Радаслоўе гордае, Свой драўляны век, Прызначэнне цвёрдае, Як і чалавек* “Далёка да акіяна”.

Для белоруса, в отличие от русского, *мать* (*маці*) занимает центральное положение в *хате-даме*, что выражено в сравнении: *Адна ёсць маці, Ведаць мать одна, што як сонца ў хаце. как солнце в день весенний...* (“Я музу параўнаў бы з роднай маці”. “Сравнить бы музу с матерью моею”, пер. Я. Хелемского). Причем *хата* значима не менее, чем *мать*. Для русского в данном случае важнее *мать*. Ср. “Я хаце абавязаны прапіскаю”. “Я всем обязан матери... пер. Я. Хелемского:

<i>Я хаце абавязаны прапіскаю,</i>	<i>Я всем обязан матери – протискаю</i>
<i>Калыскаю, падвешанай пад столь.</i>	<i>В родном дому, в ее большом роду,</i>
<i>Я маці абавязан кожнай рыскаю,</i>	<i>И зыбкою, по-нашему-колыскою,</i>
<i>Драўлянай лыжкаю, глінянай міскаю –</i>	<i>И деревянной ложкою, и мискою –</i>
<i>Усім, чым працы абавязан стол.</i>	<i>Всем, чем обязан дом ее труду.</i>

Проанализировав образ-концепт *Хата* в концептосфере А.А. Кулешова и его передачу в русскоязычных текстах, можно утверждать, что лексически фиксированное понятие *хата* в белорусском и русском языках по объему не совпадают: в белорусском языке оно шире соответствующему слову в русском языке. В русском языке слова с соответствующими словообразовательными формантами *хата*, *хатка* не являются эквивалентными белорусскому, т. к. употребляются в других речевых ситуациях и имеют уменьшительное значение, лишённое ассоциативной нагрузки.

В языковой структуре переводных текстах произведений А.А. Кулешова процесс заполнения лакуны сводится к использованию лексемы *дом*, которая будет служить аналогом «чужому» образу в русской культуре, и полный отказ от слова *изба*. Данный прием компенсации необходим, так как переводчику нужно сделать текст максимально понятным инокультурному читателю.

Список литературы

1. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – Мінск, 2001.
2. Кулешов, А. Стихотворения и поэмы / Аркадий Кулешов. – Москва : Советский писатель, 1983.
3. Куляшоў, А. Далёка да акіяна / А. Куляшоў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1972.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – Москва : Русский язык, 1985 – 1988.

5. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997.

6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэд. К.К. Атраховіча. – Мінск : Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1984.